

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО

ИРИНА
БЕХТАЛЬ

Том 1

ОЧЕНЬ ПРИЯТНО,

НИАГАРА

Ирина Бехталь

Очень приятно, Ниагара. Том 1

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бехталь И. Г.

Очень приятно, Ниагара. Том 1 / И. Г. Бехталь — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Эта книга – сборник рассказов, объединенных одним персонажем, от лица которого и ведется повествование. Ниагара – вдумчивая, ироничная, чувствительная, наблюдательная, находчивая и творческая интеллектуалка. С ней невозможно соскучиться. Яркие, неповторимые, осязаемые образы героев. Неожиданные и авантюрные повороты событий. Живой и колоритный стиль повествования. Сюжеты, написанные самой жизнью.

Содержание

ПРИЯТНО ПОЗНАКОМИТЬСЯ	6
Анжела	8
Владислав	12
Мария	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Все события, обстоятельства, персонажи, ситуации являются плодом буйного воображения автора. Не смотря на кажущуюся автобиографичность повествования, все эпизоды – суть выдумка. И если Вы, уважаемый читатель, узнали в ком-то из героев себя или своих знакомых, то это только случайное совпадение. Или знак свыше. Или происки подсознания. Или примета времени. Автор ответственности за Ваши предположения и узнавания не несет!

ПРИЯТНО ПОЗНАКОМИТЬСЯ

«Я тебе верю. Но не настолько же!»

Привет. Давай знакомиться. Меня зовут Ниги. Ниги – это уменьшительное от Ниагара. Конечно, это не имя – прозвище. Но ты не замечал, что прозвища говорят о человеке больше, чем его автобиография или жизнеописание (вне зависимости от того, какой этиологии это слово: производная от фамилии или имени, места жительства, основной привычки, профессии и т.п.). Социальный ник – это образ: яркий, лаконичный, говорящий и содержательный.

Ниагарой меня прозвали мои коллеги и знакомые. Даже не помню, кто первым придумал назвать меня так. Но подхватили же, прижилось. Значит, так этому и быть.

Почему Ниагара? Кто знает. Вполне вероятно, что само сочетание звуков в этом слове уже дало людям пищу для воображения. Река – образ притягательный, но и пугающий, как любая неуправляемая стихия. А знаменитые пороги и Ниагарский водопад? Шум, брызги, головокружительная высота, завораживающий полет, стремительное движение. И ведь не Волга тебе, не Лена, а далекие от России пункты отправления и прибытия – озера Эри и Онтарио. Ниагара – водораздел двух больших государств – США и Канады. Она делится на рукава, словно обнимая кусочки земли своими мокрыми руками. Тёзка моя катит свои воды на север, расходуя воду со скоростью почти шесть тысяч кубических метров в секунду, растянувшись аж на пятьдесят шесть километров, и скорее всего ничего обо мне не ведает. Но кто может сказать наверняка?

Вот. Теперь ты знаешь главное. Но разве тебе не интересно, как едва заметный младенческий «родничок» превратился в полноводную реку? Какие дожди, туманы и подземные течения разбавляли собой исконные воды реки? Какие ветра и ураганы кружили ей голову? Какие берега нашептывали тихие слова? Какой непоправимый ущерб причиняли грязные стоки? Какие лица умывала она своими влажными успокаивающими ладонями? Какие тела омывала бурлящими потоками? Какие тайны хоронила на дне?

Жизнь – это бесконечная школа выживания, череда людей и событий, эксперимент над конкретной личностью. Разрушающую, формирующую и шлифующую силу имеет каждый гран реальности, даже самый ничтожный и малозаметный. Кто мы, какие мы, куда движемся? Невозможно ответить на эти вопросы, не вглядываясь в «отражение»: последствия поступков и принятых решений, плоды труда, реакции, отзывы, знания, наблюдения и размышления.

Самый бездонный источник знаний о самих себе, наверное, все-таки окружающие люди. Наши родные, друзья, знакомые, приятели или неприятели (кому повезет). Близкие и частые или далекие и редкие, понимаемые с полуслова или непонятные совсем, встреченные случайно или приобретенные в муках, совершенные или примитивные – эти люди отражают каждую грань нашей уникальной и неповторимой личности. Они как солнце, воздух и вода дают нам силы для роста и развития, воздействуют на нас, изменяя наш облик, форму и структуру. Причем, личной истории важен каждый, кто промелькнул, прошел или проехал по периметру, дуге, вдоль или поперек траектории нашего жизненного пути...

Конечно, главные конструкторы, инженеры и наладчики наших тел и душ – это люди, задумавшие, явившие нас миру и поставившие на ноги и крыло – родители вкупе с примкнувшими к ним волей судеб бабушками, дедушками и прочими родственниками. Литейщики, формовщики и дизайнеры нашей судьбы – педагоги и воспитатели – тоже прилагают недюженые усилия к великому делу пестования индивидуальности и уникальности нашей жизненной стези. Но наступает момент, когда корифеи и мастодонты славного дела наставления на путь истинный уступают пальму первенства случайно неслучайным дилетантам – друзьям и сорат-

никам, коллегам и попутчикам, покровителям и потребителям, единомышленникам и диверсантам.

Мы соприкасаемся друг с другом, оставляя невидимые следы в судьбе и личности другого человека. Эти следы могут быть глубокими или поверхностными, роковыми или незначительными, ранящими или исцеляющими, незабываемыми или неприметными. Но главное в том, что эти следы есть! Мы даже не представляем себе, чем и как аукнется наше присутствие в судьбе другого человека сегодня, завтра или в далеком будущем. Как говорится, «тайна сия велика есть». Но, может быть, в этой великой тайне и заключено счастье, а вдруг именно это и есть – смысл и суть жизни каждого из нас?!

На моем пути, конечно, возникали как путевые столбы, шлагбаумы, дорожные знаки, попутные и встречные авто, эстакады и развилки – разные люди. Благодаря им, мой путь упорядочивался, менялся и петлял, замедляя или ускоряя бег виртуальной капсулы личности. Под их напором, дыханием или касанием претерпевали метаморфозы мои желания, взгляды и черты, способности, мечты и качества, цели, умения и принципы. Мои пигмалионы, каллиопы и минервы. Мои искусители, фоморы и лешие. Заклинатели, угнетатели и волшебники «Ниагары». Они такие разные и неповторимые, но без любого и каждого из них я была бы другой. Всё не случайно и не напрасно.

Вот, теперь можно начинать знакомиться поближе. Я расскажу тебе о людях, с которыми проводила и провожу часть моей жизни. И если ты узнаешь в них себя или кого-то из знакомых, то можешь быть уверен, что ошибаешься. Твои персонажи – в твоём эпосе!

Присядем на дорожку, дорогой путник. Ибо сейчас тебе придется принять непростое решение: отойти ли «от греха подальше» или соприкоснуться с моей судьбой, жизнью и личностью. Только помни, что при выборе последнего варианта обратной дороги нет. Ведь мы договорились: соприкасаясь друг с другом, мы оставляем невидимые и неизбежные следы в судьбе и личности другого человека. Ты никогда уже не будешь прежним!

Аминь.

Анжела

«Вы хотите меня обидеть?»

Ой, рада, что хоть кто-то меня хочет!»

– А тебе слабо?!? – спросила подруга с такой мимической маской как, должно быть, у рыси, которая за неимением крупной дичи украдкой пообедала молью, а теперь фасонит и держит лицо (в смысле морду лица).

– А то. Конечно, слабо! Ты же понимаешь, рожденному плавать спички не игрушка.

– Ниги! Ты опять начинаешь. Еще морали мне почитай, – «рысь» явно обрела жизненные силы по мере переваривания насекомых.

– Вслух?

– Чего вслух? – «хищница» ушла в процесс усвоения питательных веществ и ментальные процессы явно замедлились.

– Почитать.... Не могу, охрипла.

– Да ты просто завидуешь! – «рысья мордочка» победно поднялась подбородком к небу.

– Абсолютная правда, Анжел, завидую. Только не бурной страсти с женатиком, а твоей безудержной наивности.

– Да ты... Да что ты понимаешь в романтике, нежности и любви! С тобой вообще невозможно разговаривать! Если не съязвишь, поперек не скажешь, будешь не ты! – надо признать, мне даже показалось, что Анжела нервно передернула коротковатым от природы хвостом.

– Тут ты права. Я вообще человек тяжелый, конфликтный, многие так даже обходят меня стороной, чтобы лишний раз нервы себе не портить. Хорошо, что ты у меня есть, – терпеливая, добрая и отходчивая.

Судя по выражению лица Анжелы, в этот момент переваренные твари достигли устья своего маршрута по организму рыси и жалкими остатками ложились в основу будущего урожая сибирской кедровой сосны.

Почему я столько лет общалась с «насекомоядной» Анжелой было большой загадкой даже для меня. За фасадом твердой убежденности подруги всегда прятался осклизлый студень моральной гуттаперчивости, за великим самомнением – зыбкое болото комплексов, за напористостью – парализующий страх перед отказом, за игнорированием – подавляемая скорбь от потери, за сеткой-рабицей великих знаний и широких сведений – штакетник газетных заголовков и прореженных мыслей мнимых авторитетов. Время, проведенное в ее компании, всегда грешило содержательной пустотой, словесной пестротой и эмоциональным фейерверком.

Анжела, Жела, Желика, Желина, Ани (как только ее не называли друзья и знакомые) была на 15 лет «легче» меня и на 15 кг «старше». Это не мешало ей гордиться собственным совершенством, при случае разоблачать и поучать неразумную подружку и подробно разбирать мотивы «наказуемых» поступков знакомых с попутным составлением их неприглядных психологических портретов.

Но были у подруги и парадоксально притягательные, уникальные в своем роде черты. Любая встреча давала Вам понять, что все прожитые годы подруга ждала только одного – великого и предрешенного свыше случая увидеться с Вами! Она ныряла в текущие события как в омут, полностью погружаясь, отдаваясь стихии и вдыхая воздух расправленными по случаю резервными жабрами. Феноменальную способность стирать границу между дымкой неуёмных фантазий и контурами реальных фактов я не встречала больше ни у кого. Взаимопроникновение мечты, бытия, самообмана и неистовой веры в истинность возникающих чувств и событий было полным и безбрежным.

Анжела умела мимикрировать и лавировать в любых обстоятельствах, достигая однозначного результата в любом интерьере и на любом вираже. Например, на отдыхе в Абхазии первые два дня, выказывая уважение строгим нравам горцев, в сорокоградусную жару Анжела фланировала в наглухо повязанном на голову платке, носках, разделенных «наживую» перепонкой вьетнамков на два неравных отсека, и короткорукавной водолазке, дабы спрятать под ней христианский крестик. Напившись недоумением аборигенов и «свободных» туристов, на третий день она уже браво несла себя по поселку в шортах и бюстгальтере от купальника, наслаждаясь долгими провожающими взглядами все тех же строго блюдушщих нравственность местных жителей, при этом добросовестно объяснив свой наряд великой миссией раскрепощения народов Кавказа, угнетенных тьмой традиций.

Отдельного внимания, безусловно, заслуживают многострадальные и многотомные любовные романы Анжелы. Неумолчный зов плоти и напирющее давление социально ожидаемой потребности выйти замуж толкали ее на театрално отчаянные и церковно раболепные попытки найти, выбрать и окольцевать подходящего самца (простите, мужчину). На поверку «охота» выглядела как-то комично и однобоко. Но только не с точки зрения Желы! Сколько темперамента, эмоций, сил и фантазии вкладывала она в каждый любовный эпизод! Другой женщине одного такого эпизода по уровню вложения сил хватило бы, наверное, на всю жизнь.

Желика могла вдруг возжелать до потери сознательности, во что бы то ни стало, не смотря ни на что получить билеты на матч местных команд, молниеносно выучить термины и правила футбола, до самозабвения орать, пить пиво и «пускать волну» на стадионе во время игры. И все потому, что получала информацию, что очередной претендент на любовный роман (с точки зрения Анжелы, конечно) не равнодушен к футболу.

А то вдруг звонила мне посреди зимы и взахлеб, перебивая саму себя, пьяно информировала, что она едет на море. Вот так, скоропостижно и стремительно, потому что с милым. И пусть весь мир подождет. Холодно, завтра на работу, в кошельке 200 рублей, батарейка на телефоне садится – ну и пусть! Впереди ведь целая ночь! А если на работу не пойти, то и сутки! А если его жена не узнает, то и ...! И никакие доводы разума воздействия не имели. Домашние курицы, они ведь не летают зимой на юг.

Как-то в течение нескольких лет подруга с покорностью и терпением, заслуживающим лучшего применения, обихаживала, холила и воспитывала тихо и планомерно спивающегося мужика, потому что придумала себе сказку. В этой сказке добрая «золушка» не бросает в беде «временно поганого» принца, презрев ропот толпы и советы родственников, преодолевает с ним препятствия, козни и проблемы, героически защищает его от злых чар, совершает чудо и.... И конечно, выходит за него замуж, обязательно по любви. Принц, безусловно, превращается в прекрасного и богатого наследника без вредных привычек. Только на поверку вся придуманная сказка выглядела как дешевый фарс. Анжела таскала на себе пьяного «принца», приводила милого в себя в период абстиненции, кормила, поила, вызволяла из вытрезвителей и отмазывала на работе. В общем, остановить коня на скаку и в горящую избу войти – это цветочки по сравнению с подвигами Анжелы. А «принц» слюняво улыбался, плел несвязную околесицу, тайком таскал допинг из заначек, кормил обещаниями... и как мужчина был абсолютно безопасен, практически стерилен. Роль свою Желика играла с превеликим достоинством, снисходя до невежественных подруг, не сумевших разглядеть в кучке куриного помета драгоценный бриллиант. А потом в одночасье пьеса сменилась и в сценарии уже не значились никакие «золушки» и «поганые прынцы».

О чем бы не говорила и что бы не делала Жела, сквозь бурную аритмию ее жизненных перипетий, достижений и промахов проглядывали длинные уши потаенной любви к деньгам. Нет, она не была помешана на этой теме и никогда не обсуждала ее напрямую, но вскользь

названные до рубля суммы вложений, заёмов и приходов всегда звучали весомо, с определенным пафосом, а недобросовестные заемщики и «халявщики» клеймились особым позором, занимая в табели о рангах негодяев верхние строчки. При этом получение взяток, незначительный отъем ценностей у капиталистов, отрешенность и забывчивость в ситуациях покупки «вскладчину» были для Желики богоугодным и обыденным делом. Абсолютно логично, что состоятельные мужчины при этом оценивались подругой как жена Цезаря – вне подозрений. Действительно, какой же негодяй позволит себе иметь часы Rolex, парфюм от Jean Couturier и брендовые шаровары от Philipp Plein?!? Негодяй не позволит! А то, что это чушкан в прикиде и котлах, так этого за блеском денежных знаков не видно.

Импульсивная, громогласная и экспрессивная, Анжела была видна, слышна и осязаема в радиусе 500 метров вокруг. Рядом с ней невозможно было остаться незамеченной, будь ты хоть трижды серой мышью в шапке-невидимке набекрень. Стороннему наблюдателю хватало буквально нескольких секунд примагниченного невероятным зрелищем взгляда, чтобы оценить масштабы бедствия и степень опасности объекта под названием Анжела. А потом случайный человек переводил взгляд на камикадзе, вполне себе мирно сосуществующего с тайфуном, громом, смерчем, цунами, молнией и метеоритным дождем в одном флаконе. И столько было в этих глазах... удивления, сочувствия, интереса, неподдельного испуга и злорадной радости (хорошо, что у меня этого нет)!

А ты продолжал оставаться под градом словесных пуль, лавиной разномастных эмоций, камнепадом дружеских тумачков (надо признать, достаточно болезненных), несокрушимым напором лозунгов и аксиом сомнительного свойства, походящим по ощущениям на струю брендспойта.

– Да ты меня не слушаешь! Я тебе что – радио?!? – вот теперь лицо подруги больше напоминало морду бобра, только что выигравшего соцсоревнование по строительству плотин и понимающего, что последний кубометр древесины был явно лишним.

– Я тебя слышу. Не шторми.

И это было истинной правдой. Задумавшись, я ловила многоголосие мыслей. Но поверх всей какофонии децибелов истинным набатом была звуковая волна рассказа Желики. Попробуй тут не слышать.

– Врешь ведь! Ну-ка повтори, что я только что сказала, – и меня качнуло от легкого шлепка подруги по плечу. «Бобер» явно напрягся и внушительно икнул.

– Пожалуйста! Я даже не представляю себе, какой он нежный, добрый и заботливый. Он командировочный из Е-бурга. Счастливый обладатель штампа о регистрации брака и троих чудесных детей. Ты вся в нирване и в синяках, ибо страстный интим в неприспособленных для этого местах заводит и калечит.

– Я не так говорила, – «бобер» обиженно поводит носом и пожевал губами. – Вот делай после этого добрые дела! Ты сама себе все испортила!

– Извини, дорогая! Ты лишишь меня сладкого, и мне придется делать себе на рассвете хакири?!?

– Можешь не делать! Живи себе дальше синим чулком, мхом обрастай! Я ж тебе рассказываю, как мужика с ума свести, доставить ему несказанное удовольствие. Я таки-и-и-е приемчики испробовала – у него уши в трубочку сворачивались! – «бобер» явно опухал на глазах от обладания невиданными секретами, не допуская даже мысли, что слушателям давно открыты гораздо более обширные тайны, причем, уже давно.

Да простит меня Бог и Анжела, сдержаться не смогла. Я хотела так, что слезы градом катились из глаз. И никакие грозные окрики и болезненные тычки не могли меня остановить. Желика наливалась грозным негодованием прямо на глазах. «Бобер» лопнул и на его месте материализовался дикий огнедышащий дракон, он расправил крылья и рывкнул:

– А будешь ржать, больше вообще ничего не скажу, так и помрешь старой девой!

Воздуха уже не хватало, живот и скулы свело судорогой, но после этой фразы новый приступ безудержного смеха просто скрутил меня. Сверху сыпались удары и острые клинки злословия, но остановиться было невозможно. Интересно, в истории человечества были зарегистрированы случаи скоропостижной смерти от смеха? Если нет, то мой эпизод грозил стать первым.

Спустя минут пять я смогла, наконец-то, вдохнуть воздуха и, утирая слёзы, взглянула на Желу. Разъяренная фурия, гневная гарпия, несокрушимая гаргулья, карающая амазонка и мать всех монстров – Эхидна. Сейчас она откусит мне нос, или ухо... Жуть. Надо было срочно искать пути к примирению. Я не нашла ничего лучше, чем спросить:

– Ани, ты серьезно?!?

– А ты считаешь – это смешно!? Для тебя же стараюсь, наступаю на горло собственной стыдливости, вывешиваю на показ интимное! Дура неблагодарная!

– Так, подожди. Я – дура благодарная, – спешно успела я перебить обличающего оратора. – Только весь вопрос – за что?

– Как это – за что? За то, что ты теперь сможешь окрутить любого мужика. Дать ему то, что другие женщины не в состоянии. Да от такого секса никакой мужчина никогда не откажется, если он не импотент. Но импотентами мы сами не интересуемся... Так что, подруга, открывай глаза и уши. Учись, пока у меня есть желание учить, а не увеселяйся почем зря. Не знала, что эта тема может довести тебя до нервной истерики. Ты так закомплексована? Мы будем с этим работать.

Вот так. Обескураживающая фатальная уверенность в том, что чужой опыт беднее, бледнее и неказистее каждого отдельного мелкого эпизода Анжелиной личной и интимной жизни.

– Слушай, Жела, давай о чем-нибудь другом поговорим, а? – жалобно, но настойчиво простонала я.

– Тебе не интересно? – удивленные глаза подруги теперь были похожи на круглые блюдца мокроносового примата лори, попавшего из тропического дождевого леса в пустыню Сахара.

– Мне очень интересно, только твою сексуальную «азбуку» я прочла лет двадцать назад со всеми дополнениями, приложениями и эпилогами. И даже прошла обширную практику, подняв уровень работ с репродуктивного на творческий. На данном этапе меня больше интересует ментальность и духовность мужчины. Хотя, за добрые намерения – спасибо.

– Понятно. А почему тогда молчала? Сказать не могла? Я тут распинаюсь, а ты... Между прочим, я уверена, что секс – это не главное. Мужчина должен быть умным, воспитанным и духовно богатым! Так что давай закончим грязные и недостойные разговоры!

Вот вам, бабушка, и Юрьев день. Получите и распишитесь... в трех местах: в своей некомпетентности, распушенности и форменных издевательствах над подругой.

Такие люди привносят в нашу жизнь невероятный колорит. Никогда не знаешь, в чем еще ты окажешься несилен или виноват. Втайне осознавая свое интеллектуальное превосходство, понимаешь, что майевтика, дедукция и индукция не идут ни в какое сравнение с витиеватыми фантазиями и бурлеск-шоу свободного от рамок мышления. Рядом с таким громким колоссом вычурных прихотей чувствуешь себя обыденной, хоть и не без маленькой изюминки, серой мышью.

Владислав

«Судьба не дарит бесплатных подарков, для этого придуман Дед Мороз»

Ты знаешь? Да, конечно, ты знаешь о нудных, скучных профессиональных семинарах, где равнодушные докладчики дробят череп на части невероятными терминологическими пассажами. Уставшие и издерганные «признанные теоретики», изъятые из тумана очередного научного форума, плохо представляющие себе специфику аудитории и целевую установку организаторов, однотонно бубнят вычурный текст, в основе подготовленный ими еще лет пять назад. Для отработки оплаченных им материальных средств мужественно пытаются импровизировать на заданную тему с морально устаревшими сведениями.

Слушатели, направленные руководством из лучших побуждений (для повышения квалификации и обмена опытом), сначала морщат лоб (в попытке перевода абракадабры на русский человеческий), потом обреченно вздыхают и украдкой наблюдают за соседями (я один тут такой отсталый и безграмотный или нас много?), а «на третье» (если позволяют обстоятельства и система контроля) просто испаряются с мероприятия как утренний туман. Те же, кому совесть или ответственность не позволяют уйти, обреченно находят себе какое-нибудь применение на ближайшее эфирное время: решение кроссворда, блокнотные рисунки и эскизы, игровые приложения в телефоне, чтение журнала или книги. Два отдельно существующих мира по ту и эту сторону от края трибуны без шума и претензий выживают до конца взаимной экзекуции.

На одном из таких семинаров я послушно сидела в актовом зале и под прикрытием впереди сидящего широкоплечего делегата неспешно читала полезную книгу.

– Девушка, а можно с вами познакомиться?

Если бы подобная фраза прозвучала из уст горячего кавказского парня на улице, то вайме! – это вряд ли могло бы сильно удивить (если, конечно ты не юноша). Но в храме знаний и поклонения святым, отмеченным как царскими почестями кандидатскими удостоверениями?!? Невозможно, удивительно и крайне неожиданно.

Я вздрогнула, выронила фолиант и уставилась на мужчину, сидящего по левую руку. Хорошо, что испуг не сопровождался звуковыми эффектами. То-то повеселился бы честной народ с печатями глубоких умственных усилий на лице.

Где я видела эти зелено-карие насмешливые глаза? В прошлой жизни? В фильме о Джеймсе Бонде? В магазине шаговой доступности? Нет, я наткнулась на этот ироничный и требовательный взгляд в перерыве нашего семинара в бурлящем людьми коридоре. Точно!

– Может быть, все-таки скажете, как вас зовут? – просипел мой визави откуда-то из-под кресла, с видимым трудом поднимая том, упущенный в свободный полет.

– Не понимаю. Вы ко мне «клеитесь»? – я уверенно потянулась к поднятой вещи.

– Пока не знаю. Но что, если так? – книга телескопически удалилась на величину вытянутой руки мужчины и стала для меня недосягаема. Ну, прямо детство какое-то.

– Если так, то я замужем!

– И это повлияло на вашу память и речевые способности?

Поскольку фоном для нашего разговора служил бравурный и неиссякаемый поток словоблудия лектора, диалог скорее напоминал спор охрипших змей за коронное место на макушке теплого камня. При этом гады извивались в причудливом танце вокруг книжки. Утомленные слушатели охотно переключали внимание на бесплатный зоологический аттракцион.

– Чего?!?

– Свое имя вы или забыли, или не можете произнести. Замужество – страшная кара!

Что это? Врожденная бесшабашность и молодецкая удаль? Благоприобретенная способность игнорировать социальные нормы и требования? Обыкновенная чудаковатость? Необыкновенная примитивность? Да и ладно.

– Я – Ниги. Приятно познакомиться.

– Неужели! Пациент еще жив и имеет шансы на возвращение к полноценной жизни. А я Влад. Кстати, книжку свою возьмите. Очень рассчитываю почитать ее совместно, хотя бы до конца семинара.

Зачарованные зрители вокруг нас огорченно вздохнули. А чего вы хотели? Show must go on. Так представление не бесплатное. И не из дешевых....

Книжку мы так почитали. Семинар завершился. Занавес закрылся. Рампы погасли. Зрители разошлись. И за несколько месяцев забавный эпизод практически выветрился из моей продуваемой сквозняками событий головы.

Но судьба в лице начальства послала меня в командировку: то ли контролировать, то ли помогать подведомственному учреждению в глубинке – в райцентре Z. Меня ждал немалый сюрприз. Прямо на автостанции из синих «жигулей» мне навстречу, саркастически улыбаясь, торжественно вышел директор того самого учреждения – Влад. Это было так приятно – люблю синий цвет.

Куда командированных определяют на побывку в селе? В Дом колхозника? В гримёрку Дома культуры? В сарай главного агронома? Мне повезло, оказалось, что в этом далеком заповедном лесистом крае (так и хочется добавить – заснеженном и суровом, но, врать нехорошо – было лето) есть туристическая база, утыканная по берегу мелкой и грязной речушки пирамидками деревянных крыш покосившихся пристанищ путешественников, рыцарей рюкзака и анорака.

При въезде в окультуренный бивак Влад вышел из авто навстречу седобровому крепкому мужичку в трениках и матроске, видимо, хозяину теремковой зоны.

– О, Владик, привет! Это чего за б-ь в твоей машине? – густой, зычный и громкий бас был хорошо слышен в открытые окна «жигулей».

Мне показалось, что зарделось не только лицо, но и затылок Влада. Он пытался зловещим шёпотом что-то разъяснить вопрошавшему. До меня долетали обрывки: ...начальствопроверка ...потеше...

Но сквернословный вопрос мужичка-лесовичка скинул с меня тяжелый груз начальной ответственности и развеселил от души. Как я была ему благодарна! Слава Богу! Есть в русских селеньях «наши» люди, которым плевать на чины и звания, которые называют вещи своими истинными именами и не оглядываются воровато по сторонам, беря от жизни своё. Я выскочила из машины, как птица из клетки, и схватила мужика за огромную лапу.

– Не знаю, кто вы. Но вы мне уже нравитесь. Я – Ниги. Если дадите компас и карту села, то с меня вечером рюмка чая.

– Во! Владик, а девка-то того... Дело говорит! Езжай-ка ты в сельмаг, все одно компас ей не дам, еще сломает. А мы тут сами поселимся-расстелимся. Много я не выпью – сердчишко пошаливает, но в хорошей компании можно и погутарить, – в глазах мужичка плясали озорные искры, да и лапу свою он из моих рук не вынул.

– Понял, Гаврилыч. Сейчас кое-какие дела доделаю. Часа чрез полтора ждите с самобранкой, – весело откликнулся Влад и укатил.

Лесовичка-матершинника звали Макар Гаврилович. Вот умеют же в глубинке называть людей: вкусно, радостно и с достоинством. Имя ему очень шло. Неспешная вразвалочку походка, основательные жесты, суровое лицо, годами несмываемый загар и бесконечное жизнелюбие в прищуренных глазах. Надо будет не забыть спросить у него, куда же он телят не гонял.

Через два часа мы сидели в моем временном командировочном жилище за небольшим столом, уставленном добротными холодными закусками и ледяными напитками разной градусности, развлекаая друг друга байками и историями из жизни. Удивительное дело, продукты на столе были вроде бы все знакомые, но какие-то особенные: мясистые, яркие, объемные, ароматные, свежие. Наверное, потому, что все это рано или поздно росло, созревало и привольно наливалось соками в лесу, на огороде, в саду, на подворье. С любовью и пониманием сажалось, удобрялось, укутывалось, опрыскивалось, окучивалось, кормилось, собиралось, мариновалось, закатывалось не испорченными цивилизацией людьми, бесконечно благодарными природе.

– Мальчики. Извините, я выйду ненадолго, надо носик попудрить, – это я через некоторое время подала сытый голос, выходя из-за стола.

– Ага, – отозвался Гаврилыч, – самое то место носик пудрить. Ты б, девка, лучше под ноги смотрела, удобства-то у нас того, не городские, во всякие сюрпризы, хоть и с напудренным носиком, вляпаться ненароком немудрено. Жар-птица, понимаешь, белоклювая.

С тем я и отправилась по своим девичьим делам. Вечер, воздух сказочный, ароматами напитанный, речушка журчит, ветер шелестит в кронах, бабочки ночные летают, комарики кусают. Хорошо!

– Чего сидим, наливай! – крикнула я прямо с порога, вернувшись, и плюхнулась на прежнее место.

Что-то неуловимо изменилось в атмосфере нашей теплой компании. Нет, не в отношениях друг к другу, а в прямом смысле – в атмосфере. После ароматного запаха леса в комнате явственно чувствовался негасимый налет амбре. Так, кажется, накаркал Гаврилыч. Да вроде же я аккуратна. Под ноги все время смотрела, погуляла после заведения. Беда.

Мужчины продолжали травить байки и анекдоты, как ни в чем не бывало. А я ерзала на кровати, пытаюсь под низким столом вывернуть ноги стопами вверх и незаметно скосить взгляд на подошвы. Попутно я поддерживала разговор, вставляла реплики и улыбалась шуткам. Поверь, приходилось мне туго. Вот, когда ненароком пожалеешь, что взгляд не загибается за горизонт, а голеностопный сустав не выворачивается на 180°. Светлый образ пищи, так пленявший меня всего какой-то час назад, померк в облаке зловония. Да где ж эта проклятая «мина»?

– Девонька, да чего ты там под столом все время ищешь? Обронила чего? – с еле сдерживаемым смехом спросил Гаврилыч.

– Да я того... Не пойму никак. А вы не чувствуете? – мне было стыдно и неудобно признать, что оказалась такой неловкой и неприспособленной к сельской жизни. Испортила ароматный вечер. Деревенский фольклор торжествовал над городским снобизмом.

И тут вдруг оба – Гаврилыч и Влад – разразились таким громогласным и заливистым хохотом, что у одинокого сыча на ближайшей сосне заложило не только уши, но и глаза.

– У-ха-ха-ха! А-гы-гы-гы! Ты того. И-гу-гу-гу! Пошли со мной. И-ху-ху! И-гы-гы! Да не упирайся, пошли. Ха-ха-ха-ха! Сейчас сама увидишь! Ой, не могу! А-га-га-га! – Гаврилыч тянул меня сквозь сотрясаемый звуковыми волнами грозовой воздух как крепкий буксир утлое суденышко.

Мы спустились с крыльца и Гаврилыч, скрюченный от смеха, таким же скрюченным пальцем тыкал во что-то небольшое и блестящее, примостившееся под лестницей. Озадаченная, оробевшая и лишенная понимания происходящего, я в сгустившихся сумерках пыталась разглядеть указанный объект. Потом плюнула и выволокла его на освещенный луной пятачок земли. Через десять секунд я каталась по траве как перевернутый на спину жук-бронзовка, рассекая воздух всеми четырьмя (нет, шестью, коль уж жук) конечностями и оглашая окрестности неподдельным звенящим хохотом.

Пока я совершала свой физиологический моцион, мужики решили подновить ассортимент продуктов на столе и вскрыли очередную банку домашних мясных консервов. Нарушение технологии или дефекты тары сделали свое черное дело. Банку-то они из комнаты вынесли, а вот выпущенный на волю зловещий дух аммиака и сероводорода остался витать. Можно только догадываться, как душили моих собутыльников еле сдерживаемые спазмы смеха, пока я отыгрывала свой акробатический этюд под названием «Пятно позора».

С того памятного веселого вечера мы стали видеться часто, незримые нити приятия тянули меня в райцентр Z с неодолимой силой. И если мои отношения с Гаврилычем больше походили на детско-родительскую безусловную любовь и понимание, то встречи с Владом все больше кренились в сторону глубокого флирта.

Влад был соткан из прочных, надежных, тонких и взаимоисключающих нитей. Легкость и простота в общении скрывала цепкий и развитый ум. Пренебрежение к условностям и социальным нормам служило лишь ширмой честолюбию и карьерной дальновидности. Умение в два счета выходить из самых проблемных ситуаций базировалось на долголетнем и кропотливом фундаменте опыта, нужных знакомств, воли и смекалки. Я никогда не слышала, чтобы Влад кричал или грубил, в самые пиковые моменты он становился суров и сосредоточен, предпочитая дать возможность негодяю самому запутаться в сетях собственных интриг и лжи, а потом сдать на милость победителя. Самые болезненные душевные раны он прикрывал бинтами сарказма, иронии и юмора. Надежность и преданность он никогда не выносил напоказ, жертвуя многим с легким сердцем. По-детски наивен и необыкновенно мудр. Бережно относясь к вещам и людям, Влад не заикливался на обладании. Не кичился статусом или достатком. Мог одновременно быть серьезным и откровенно шалить. Говоря словами одного из его подчиненных: «Вот – дурак, а еще директор!». Или его собственными словами: «Шиза пришла и не уходит». Будучи самим собой, он позволяет и другим людям чувствовать себя свободно: жить, дышать и наслаждаться. Рядом с ним мир становился выпуклее, воздух – насыщеннее, а Земля – круглее.

Однажды Влад внезапно и внепланово увез меня отдыхать на озеро. Приехали мы затемно и безмятежно уснули в машине. Рано утром холодная и влажная рука трясла меня за плечо, и голос из невидимой мне головы вещал:

– Ниги! Просыпайся! Посмотри, какая красота кругом! Солнце встает, птицы поют! А вода в озере – просто сказочная. Парное молоко, живительный бальзам. Иди, окунись, а я пока костер разожгу.

Приняв сидячее положение и приоткрыв один глаз, я увидела, что Влад стоит возле горки хвороста в одних плавках.

– Иди, иди, соня! Бери с меня пример: умылся, искупался, взбодрился, готов к приему пищи и наслаждению отдыхом. Вперед!

Вытащив свои бранные тела из машины, я почувствовала, что снаружи вовсе и не жарко. Но краски и свежесть утра, безусловно, заслуживали пробуждения.

– Владик, так я же без купальника. Я – тут, а он – дома.

– Отговорки не принимаются! Оглянись вокруг – нет ведь ни души. Будешь русалкой, им никакие купальники не положены. И советую сделать это самой, а то искупаю, как и в чем сочту нужным.

– Ладно, пошла.

Отыскав более или менее пологий спуск к небольшому озеру, тщательно сложила на берегу вещи и забрела в воду. Убаюканная рассказом Влада я и подумать не могла, что вода окажется такой холодной. От неожиданности из меня вырвался крик раненого суслика. Он немедленно повторился потому, что с недалекого противоположного берега на меня голую и

дрожащую пристально смотрел мужик с ружьем (видимо, местный сторож). С голосовым сигналом, грацией и мощностью морской коровы я немедленно погрузилась в воду. Обещанный живительный бальзам был ледяным. Дрожа от холода, я искала укромный островок камыша, чтобы под его прикрытием выползти на берег, не бередя воображение сторожа откровенными видами женского тела.

Минут через десять на поляну с костром вышло жалкое, мокрое и стучащее зубами существо.

– Влад, как ты п-плавал? Я закоч-ч-ченела. И м-мужик к-какой-то на той с-стороне. С-смотрит.

– Кто плавал? Да что же я сумасшедший в такую холодную воду лезть?

Вот когда пришла пора согреться. Влад убежал от меня и ловко уворачивался, бросая на ходу:

– Моржиха!... Водоплавающая, блин!... Говорил же, не ходи... Экстремалка... Еще и мужика зайкой оставила... Пингвиниха! Чаю выпей, я уже заварил, пока ты ванну принимала!

Влад мог безмятежно забыть о моем дне рождения, но засыпать розами «просто так». Месяц не появляться, а потом в обеденный перерыв приехать за 100 километров, чтобы пообедать со мной в ресторане. Устроить романтическую ночь в курятнике или без предупреждения подарить новый холодильник. Привезти ко мне в гости молодую девушку и радостно сообщить, что мадемуазель хочет стать его любовницей, а посему полна решимости выщипать мне реснички по одной. Как-то целую ночь я пасла на своей кухне цыплячий молодняк, пролетавший транзитом с птичьего рынка на подворье Владькиного папы. А в отпуске неделю отдыхала на раскладушке возле пасеки, сопровождаемая своенравной молодой сучкой афганской борзой, потому что беспокойное хозяйство нуждалось в присмотре. Мне давали порулить на тракторе и погрести на лодке. В хлеву я из рук кормила свинью, а в лесу собирала землянику. И на авторынке выбирала резонатор.

– Ниги, мне надо купить новый резонатор. Поехали на рынок заедем, а потом – кататься, куда захочешь.

– Ну, поехали. А я чем тебе помогу?

– Будешь ходить, у продавцов резонатор спрашивать. А то у меня горло болит второй день.

На рынке:

– Скажите, у вас резонатор есть?

– А вам какой?

– На Жигули, синие.

– Синих нет, сами покрасите. А модель какая?

– Модель. А! Одиннадцатая.

– Нет, такого глушака нету.....

– А у вас резонатор на 11 Жигули есть?....

– Резонатор продайте на Жигули!...

У продавцов – выдавших виды мужиков – вытягивались лица при виде странной парочки, в которой женщина буквально жестами и на пальцах объясняла, чего ищет, а мужчина с невинным видом младенца стоял рядом.

– Ну, хоть у вас резонатор или, как там, глушитель есть?

И тут вступил Влад:

– Юноша, не обращайтесь на нее внимания, она вчера фасоли объелась.

Невозможно быть подготовленным и спокойным, невозможно оставаться отстраненным, безучастным и индифферентным рядом с таким человеком как Влад. Человеком, который любит жизнь во всех ее проявлениях и глубоко в душе хранит неиссякаемый запас детского мировосприятия. Жажущим, жадным на приключения, уверенным, щедрым и ранимым. Он заставил меня поверить в собственные силы, гордо носить голову, не прятаться от проблем, свободно импровизировать, не ждать милостей от людей и природы, а создавать радость собственными руками. Каждый день. Из ничего.

Мария

«Каждый из нас был ребенком, но не каждый стал им»

«Ты шо, с Урала?»

Думаю, в каждом уголке нашей необъятной Родины существует эдакая субкультура: местечковые идиомы, слова и приговорки беспрекословно понятные «своим». Они формируют чувство сопричастности и ограниченности круга посвященных, имеют подтекст и тайный смысл в рамках отдельного регионального менталитета. Так вот там, где я живу, фраза «ты шо (именно так – шо!), с Урала?» призвана уязвить и задеть гордость собеседника, ибо в переводе на общероссийский означает: твоя вменяемость, социальная адаптированность и уровень умственных способностей подвергаются сомнению. Тут ответчик должен немедля привести железные аргументы в пользу своей полной и всесторонней дееспособности. Почему мои земляки выбрали эталоном лузеров именно жителей Урала, я не знаю, но так уж повелось.

Отдельно хочу заметить, что каких-то негативных чувств и мыслей лично я в отношении представителей Екатеринбургa, Челябинска, Перми, Уфы или Магнитогорска не имею. Более того, мой личный опыт общения с людьми, ареал обитания которых ограничен рубежами основной горнорудной и металлургической базы России, доказал отсутствие у них проявлений всякой дезадаптации и, более того, наличие весомой продвинутой в различных областях знаний и умений. Но, местный колорит не отменить.

Итак, представьте мое крайнее изумление, когда в ответ на каверзный и нелюбезный пресловутый вопрос «ты шо, с Урала?», искренне и тепло прозвучало:

– Да. Из Нижнего Тагила.

Понятно, девушка явно не местная и подвоха не чувствует. Напротив, тепло и дружелюбно улыбается в ответ нахамившему юноше. Сероглазая с молочно-розовой кожей, с пшеничной косой, в простеньком платьице невысокая пухленькая девушка держала в руке большой дерматиновый чемодан.

– А вы по выговору определили?

– Неа, по чемодану.

Мне стало неловко за столь негостеприимный прием. Все равно, что в стране, языка которой не знаешь, нарваться на улыбающихся аборигенов, обзывающих тебя последними словами. И покорно кивать им в ответ, будто они признаются тебе в любви.

– Девушка, извините. А что вы хотели? Может быть, я смогу помочь? – обратилась я к приезжей.

– Мне тут адрес записали, да вот не знаю, как добраться, – наивно и доверчиво сероглазка протягивала мне сложенный вчетверо тетрадный лист в клеточку.

– Как вас зовут? – указанный адрес был мною прочитан, искомое находилось в двух автобусных остановках от нас теперешних.

– Мария.... Маша.

– Прекрасно. Я – Ниги. Пойдемте, мне все равно по пути, провожу вас до места.

По дороге Маша неумолчно щебетала про свое детство, родителей и брата, про Нижний Тагил и приключения в пути, про мечту попасть на стажировку в наш город, при этом постоянно крутя головой и оступаясь на каждой кочке. А по прибытии на место, как-то разом погрузнев, попросила:

– Я вам так благодарна. А-гм.... можно Ваш номер телефона? Вдруг мне понадобится помощь, никого кроме Вас я ведь здесь не знаю.

– Номер можно, – хмыкнула я. – Но что-то мне подсказывает, что скоро кроме меня вы будете здесь знать очень многих. Только Вы аккуратней, что ли, нельзя так слепо доверяться всем подряд, берегите себя, Маша.

Много событий спустя я поняла, что пожелание беречь себя в исполнении Марии просто невыполнимо. Она типичный прототип героини фильма «Невезучие», или в моей интерпретации – «33 несчастья в одном флаконе».

Ровно через два дня Маша воспользовалась знанием номера моего телефона.

– Здравствуйте, Ниги. Это Маша. Вы меня помните? Ну, мы еще вместе...

– Да, Маша. Помню. Что случилось?

– Тут такое дело. Я поселилась у двоюродной сестры моей тетки. А вчера пришла телеграмма, что через два дня, то есть завтра, к ней приезжает из Калининграда дочка с внуками. Потому, что у них там, в Калининграде, племянница мужа, то есть тестя выписывается из роддома, у нее проблемы со свекровью, а ей помощь нужна и обстановка спокойная, она себя неважно чувствует, вот дочка и решила с малыми укатить к маме, – скороговоркой, видимо, от неловкости, тархтела Маша маловразумительный текст.

– Так, Мария! Подождите. Еще раз вопрос – в чем проблема?

– Я ж и говорю, квартира-то у двоюродной сестры моей тетки маленькая, однокомнатная, мы впятером и не поместимся. Надо искать жильё.

– Теперь понятно. И чем я могу вам помочь?

– Вы ж говорили, что доверять нельзя, надо быть осторожной. Мне коллеги предложили на пару месяцев, пока лето, поселиться в общежитии строительного института. Недорого, и от работы недалеко. Но одна я идти туда не хочу, а больше мне позвать некого.

– Ладно. На какое время назначен «поход»? Где и когда встречаемся?

Через час под проливным дождем мы с Марией месили грязь в сторону общежития, обходя многочисленные лужи и с визгом выпрастывая промокшую обувь из бурных потоков на крутых географических подъемах и спусках. Нижние конечности как ножки циркуля разъезжались в свежезамешанном растворе земли и глины.

Думаю, вряд ли удивлю жителей больших и малых городов нашей Родины, если скажу, что в наших широтах (как, впрочем, и во всех других) обитают многочисленные «кроты». Наши городские «кроты» так же как и биологические представители семейства кротовых приспособлены к роющему образу жизни, легко двигаются под землей в любом направлении вне зависимости от наличия дорог и тротуаров, мест залегания подземных магистралей и особенностей почвы. Всплески активности не связаны никакими узлами с временем года, суток, периодами спаривания и особенностями климата. Передние лапы лопатообразно расширены до размеров пятипалого ковша экскаватора. Наличие этих животных на местности легко определяется по характерным углубленным на два метра раскопам и сопровождающим их навалам-кротовинам. Кормовые ходы городских «кротов» узкие и длинные, иногда простираются на несколько сот метров.

Мимо такого «кормового хода» и лежал наш путь. Перекрикивая шум капель, бьющихся о купол зонта, Маша скороговоркой выплескивала на меня переживания и впечатления нескольких прошедших дней. И вдруг, огибая очередной искусственный водоем в выбоине асфальта, я с удивлением обнаружила, что в аудио потоке образовалась брешь – спутница замолчала. Еще большее удивление вызвали визуальные ощущения – дождь, грязь, мокрые дома, коричневые навалы и черные канавы были на месте, а Маша исчезла. Наваждение, фокус, галлюцинация. Вот только что рядом со мной шел человек, а теперь его нет. Гарик Гудини просто отдыхает. Я дернула себя за ухо и ущипнула за руку, пытаюсь нащупать почву реальности.

Минуты две ничего не происходило, ровным счетом – ничего. А потом я услышала тоненький и робкий шепот:

– Люди. Помогите.

Оборот вокруг своей оси с пристальным обзором и тщательной локацией ничем меня не порадовал. И тут на глазах изумленной публики над раскопом городских «кротов» показался Машин зонт. Ну конечно, кто бы сомневался! Разве можно заметить огромную яму прямо по курсу, когда все твои каналы восприятия забиты впечатлениями и эмоциями?!?

– Ну, Маша. Ты меня извини, но ты точно – с Урала.

– Да, я ж говорила – из Нижнего Тагила. Ниги, я нечаянно, честное слово, задумалась.

Вытащи меня как-нибудь, а?

Надо признать, что в тот раз обошлось без членовредительства и прочих недобрых последствий. Однако, ключевыми в данной фразе являются слова «в тот раз».

Ровно через неделю о беспокойной постоялице общежития знали не только все обитатели и работники пристанища студентов-строителей, но и продавцы магазинов, ларьков и торговых палаток, молодые мамочки на детских площадках и в песочницах близлежащих дворов, бойкие пенсионерки на скамейках, блудливые подвальные коты, постовые и дворники, гордые породистые псы, выгуливающие по вечерам своих хозяев, и беспородные шавки в радиусе двух километров.

Список добрых дел стажерки из Тагила и их заковыристых последствий можно перечислять бесконечно. Средний человек даже представить себе не может, как много можно успеть за какие-то два месяца, и какими бедами грозит искреннее и неискоренимое желание осчастливить сородичей.

В ближайшем от общежития дворе в песочнице Маша организовала конкурс на лучшую «пасочку» (сей экзотический порыв был вызван нежной любовью к детям). К знаменательному событию были приурочены покупка карамелек и выучивание нетленных стихотворных произведений Чуковского, Маршака и Барто. В результате проведения безобидного соревнования в деревянном хранилище диоксида кремния разгорелась нешуточная баталия с применением совочков и ведерок, которая закончилась оглушающим ревом малышей и звонкими криками переполошенных мамаш.

Обнаружив запустение и разруху в подсобных помещениях и на прилегающей территории общежития, Мария с вдохновением взялась организовать субботник по благоустройству. Опешивший комендант безропотно выдал временной жиличке ведра, тряпки, веники, кульки и лопаты. Единомышленников, правда, нашлось немного, но в назначенный день энтузиасты с грохотом и смехом принялись за дело. Благородный порыв ознаменовался двумя сломанными лопатами, потерянным золотым кольцом, многочисленными порезами и синяками, поцарапанными стенами, приведенным в негодность дверным замком, коротким замыканием в электросети, большой кучей мусора у ворот и зловещими угрозами выселения неугомонной жилички.

Если Маша переходила дорогу, то красный свет обязательно загорался в момент ее нахождения посередине проезжей части. Экстренное отключение света стучалось именно тогда, когда гостя с Урала намыленная находилась в душе. Просроченные продукты в супермаркете уютно укладывались в ее корзину. Трещина в асфальте намертво обнимала каблук ее босоножки. Голодная дворняга, слолав предложенное Машей угощение, ничуть не смущаясь, оставляла на ее руке злобные следы своих зубов. Посуда норовила выскользнуть из рук, одежда – треснуть по шву в самой неожиданной обстановке, документы – пропасть бесследно.

Спустя три недели проживания в студенческом улье Мария сообщила мне, что выходит замуж, и я приглашена на смотрины. Предвкушая новую катастрофу, я помчалась в общежитие. Первое, что поразило меня в ее комнате, были многочисленные черно-белые рисунки отдельных эпизодов тела на стене. Да-да, не фрагментов, не частей, а именно эпизодов. Экзоти-

ческий коллаж пестрел всеми оттенками серого и черного. Штриховки, пунктиры, мазки, крап, тонкие и толстые линии. Со стены на меня взирала выгнутая шея, увенчанная шляпой подбородка; тонкая ключица под идеальной линией плеча; маленькая ладонь с овальными ногтями; огромный морщинистый лоб, подчеркнутый нитками бровей; круглое колено, ладно сидящее на голени; миндалевидный глаз с проникающим в душу взглядом; плоский животик с дырочкой пупка и выпуклым лобком; локтевой сгиб с очаровательными ямочками. Весь этот ассортимент, явно нарисованный одним небесталанным художником, по уверениям Маши, был заряжен позитивной энергией, укрепляющей жизненные силы, здоровье и дух зрителя. Пятиминутного укрепления духа посредством этой экспозиции мне хватило и по сей день. Хорошо, что рисунки предваряли знакомство с женихом, ибо последующий удар явно пошатнул все укрепления.

Ни много, ни мало, Маша собралась замуж за студента из Нигерии. Белокожая и светлоглазая уральская красавица представляла собой невиданный контраст с представителем народа йоруба, темноглазым обладателем угольной смуглости. Кипой (а именно так его и звали) готов был увезти свою прекрасную принцессу в далекую Западную Африку на берега Гвинейского залива, осыпать нигерийскими тугриками – найрами и обратиться в Ислам.

Новоявленный жених явился на смотрины не один, а с тремя земляками. В считанные минуты маленькая комната Марии превратилась по количеству чернокожих людей на квадратный метр площади в российский аналог Нью-Йоркского Гарлема. Непередаваемый колорит создавали специфические запахи еды и благовоний, мелькающие черные руки с розовыми ладонями и смешанный рой голосов на плохом русском, узнаваемом английском и абсолютно критическом для моего музыкального слуха языке эдо, или эфик, или адавама фульфульде, или хауса, или, кто его знает, еще каком.

В глубине души прекрасно понимая, что никакой ответственности за судьбу Марии не несу, все же сквозь головную боль я ощущала тягучую тревогу и колючую настороженность. Российская девушка с исконно русским именем трепетно порхала между заморскими гостями, угадывая их малейшие желания, нежно перекликалась непривычного вида кавалеров, подкладывая в тарелки еду и, по обычаю, роняя вилки и переворачивая на скатерть и костюмы содержимое стаканов, солонков и соусников. Маша светила изнутри, сияла, взмахивала руками и ресницами, готовая взлететь над суетой и обыденностью на крыльях любви и восхищения. Она то и дело пританцовывала в такт неслышной музыке, и в движениях явно угадывался рисунок ритуального танца племени Майя.

Улучив момент, когда уральская подруга очередной раз вышла на кухню, я догнала ее:

– Машенька, дорогая, ты пошутила или на самом деле собираешься в Нигерию вить семейное гнездышко? – радостное выражение лица девушки разом потускнело, а спустя полминуты в глазах заблестела слезная жидкость. Кажется, я смертельно обидела новоявленную невесту.

– Ниги, я думала...я тебе доверила...а ты ... Как ты можешь?!? Я хотела поделиться с тобой радостью. Нельзя быть такой злой!

– Извини, я вовсе не хотела тебя обидеть, честное слово. Я очень за тебя рада, но все как-то скоропалительно. Нет, я понимаю, бывает любовь с первого взгляда и на всю жизнь. Но как же твоя учеба, работа, родные? Ты им уже рассказала о планах? Они тебя поддержали?

– Нет еще... Я хотела сначала с тобой посоветоваться. И потом, мы с Кипоем сначала решили съездить вдвоем на море в Туапсе. Всего на пару дней. Я никогда не была на море!!! Никогда, понимаешь? Зеленые пальмы, ласковое солнце, горячий желтый песок, белые чайки, веселые дельфины, страшные медузы и огромное синее море!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.